

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Продолжение. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015)

Апрель, погода
похожа на
капризную девочку

2 апреля 1864 г. Снег, чичер, апрельские капризы, и затем потоки солнца и как бы лучи дождя. Припадки слез и смеха переменчивого неба, порывы ветра, вихри. Погода похожа на капризную девочку, которая двадцать раз в один день меняет выражение лица и желания. Это – благодеяния для растений.

Прилив жизни
в жилах весны

Прилив жизни в жилах весны. Амфитеатр гор нашей долины затянут белым до подошвы, но два часа солнца – и весь легкий снег этот исчезнет. Опять новый каприз, простая декорация, готовая перемениться по свистку машиниста.

Неустановимая
сущность всех вещей

Как чувствуется неустановимая подвижность всех вещей. Проявиться и исчезнуть – в этом вся комедия мира, в этом биография всякой личности, какая бы ни была продолжительность того цикла существования, который она описывает. Всякая жизнь есть только тень от дыма, только движение в пустоте, иероглиф, начертанный в одно мгновение на песке и стираемый в следующее мгновение дуновением. Воздушный пузырек, который лопается на поверхности великого потока существования, видимость, нищета, ничтожество. Но ничтожество – это все-таки символ Всемирного Существа, и эфемерный пузырек этот содержит в себе историю мира. Человек, который незаметно содействовал делу мира, – жил; человек, который хоть сколько-нибудь сознал его, тоже жил. Простой человек служит своей деятельностью как колесо машины. Мыслитель служит своей мыслью как просветитель думающий, утешающий, подымающий и поддерживающий своих спутни-

---

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

Действовать,
находить, учить –
эти три вещи
необходимы

ков; смертных и преходящих, как он, делает еще лучше: он соединяет обе первые пользы. Дело, мысль, слово – это одинакие образы человеческой жизни. Ремесленник, ученый и оратор – все трое работники Божии.

Действовать, находить, учить – эти три вещи представляют собой труд, все три хороши, все три необходимы. Хотя и блуждающие огни, мы все же можем оставить след. Хотя и метеоры, мы можем продлить нашу гибнущую слабость в памяти людей или, во всяком случае, в сплетении последующих событий. Все исчезает, но ничего не теряется; и цивилизация, или гражданственность человека, есть не что иное, как огромная духовная пирамида, созданная из произведений всего, что жило в образе нравственного существа; так же как наши известковые горы образованы из остатков мириад миллиардов безыменных существ, которые жили в виде микроскопических животных.

Хрупкость,
видимость,
ничтожество –
сущность нашей
жизни

16 ноября 1864 г. Шарик воздуха в крови, капля воды в мозгу, и человек разрушается, его машина ломается, его мысль исчезает, и мир исчезает, как сон при появлении утра. На какой тонкой паутине висит наша личная жизнь. Хрупкость, видимость, ничтожество. Если бы не развлечения и наша способность забывать, все волшебство, которое увлекает и окружает нас, казалось бы нам солнечным призраком во мраке, пустым видением, преходящей галлюцинацией. Появился и исчез – вот вся история человека, равно как и мира и инфузорий.

Время есть
величайшая
иллюзия

Время есть величайшая иллюзия. Она есть только внутренняя призма, через которую мы разлагаем бытие и жизнь, образ, под которым мы постепенно видим то, что вне времени в идее. Глаз не видит сферу всю сразу, хотя сфера существует вся сразу. Нужно одно из двух: либо чтобы сфера вертелась перед глазом, который смотрит на нее, либо чтобы глаз обошел вокруг наблюдаемой им сферы.

В первом случае это мир, развертывающийся или как будто развертывающийся во времени; во втором случае это наша мысль, анализирующая и постепенно восстанавливающая. Для высшего разума нет времени; что будет, то есть. Время и пространство – это раскрошение бесконечного для пользования им существами конечными.

Наша жизнь ничто,
но наша жизнь
божественна

Наша жизнь ничто, это правда, но наша жизнь божественна. Дуновение природы уничтожает нас, но мы превосходим природу, проникая далее ее удивитель-

тельной фантазмогории до неизменного и вечного. Посредством внутреннего экстаза уйти от водоворота времени, увидеть самого себя *sub specie aeterni* – это лозунг великих религий высших пород; и эта психологическая возможность есть основа всех великих надежд. Душа может быть бессмертна, потому что она способна подниматься до того, что не рождается и не умирает, до того, что существует субстанциально, необходимо, неизменно, то есть до Бога.

Самые большие преступники и самые большие герои суть только различные виды нас самих

Зародыши всего находятся в каждом сердце, и самые большие преступники и самые большие герои суть только различные виды нас самих. Только зло делается само собой, а добро требует мужества.

В основании всего лежит печаль, как в конце всех рек – океан. Разве может быть иначе в мире, где ничто не длится, где всё, что мы любили, любим и будем любить, должно умереть.

Смерть – так вот в чем тайна жизни! Траур окутывает вблизи или издалека всякую сосредоточившуюся в себе душу, как ночь окутывает Вселенную.

Уметь внушить – это великая педагогическая тонкость. Для этого надо угадывать, что интересует, и читать в детской душе, как по нотам. И тогда только, переменяя ключ, поддерживаешь интерес и изменяешь песню.

Луч надежды стоит всех докторов в мире

3 апреля 1865 г. Искра счастья и хоть один луч надежды стоят всех докторов в мире. Главная пружина жизни в сердце.

Радость есть живительный воздух нашей души. Печаль есть астма усложненной атонии. Наша зависимость от окружающих обстоятельств возрастает с нашим ослаблением, и наше сияние составляет нашу свободу. Здоровье есть первая свобода, а счастье дает силу, которая есть основа здоровья. Сделать кого-нибудь счастливым – значит, строго говоря, увеличить его бытие, удвоить силу его жизни, открыть ему же его самого, увеличить его и иногда преобразить его. Счастье уничтожает безобразие и делает даже красоту красивее. Можно сомневаться в этом только, если никогда не видел света пробуждения первой нежности в ясном взгляде. Даже заря ничто в сравнении с этим чудом.

Красота
в понимании
материалистической
и спиритуалистиче-
ской философий

Для материалистической философии красота есть только случайность, и поэтому редко встречающаяся; для спиритуалистической же философии красота есть правило, закон, общее свойство, к которому возвращается всякая форма, как скоро уничтожится то, что мешало ее проявлению.

Почему мы
некрасивы?
Красота – явление
одухотворения

Почему мы некрасивы? Потому что мы не в ангельском состоянии, потому что мы дурны, суровы, несчастны.

Героизм, восторг, молитва, любовь, энтузиазм – все это производит ореол вокруг чела, потому что они освобождают душу, душа же делает прозрачной свою оболочку и светится вокруг нее. Следовательно, красота есть явление одухотворения материи; она есть мгновенное введение в рай (*emparadisement*) избранного предмета или существа; она есть как бы упавший с неба на землю дар для напоминания миру об идеале. Изучать ее – значит почти неизбежно платонизировать. Как сильный электрический ток может сделать металлы блестящими и открывает их сущность по цвету их пламени, так же и усиленная жизнь и высшая радость украшают до сияния простого смертного. Итак, человек только тогда истинно человек, когда он в божественном состоянии.

Идеал есть
вернейшее
выражение в книге
Творца

Идеал, в сущности, более истинен, чем сама реальность, потому что идеал есть вечный момент вещей гбнущих: он их тип, их число, их причина существования, их формула в книге Творца; следовательно, он есть их вернейшее и в то же время кратчайшее выражение.

Сколько разных
людей в одном
человеке!

13 августа 1865 г. Сколько разных людей в одном человеке, сколько разных стилей в одном великом писателе. Руссо, например, сколько различных родов писаний он создал! Воображение преобразует его, и он удовлетворяет самым разнообразным ролям, даже роли чистого логика. Но так как воображение есть та ось, на которой вертится его умственная деятельность, его главная способность, то во всех его произведениях есть полуискренность и полуспор. Чувствуется, что его талант бьется сам с собою об заклад, как Карнеад, в том, чтобы все доказать, хотя бы это было и неправда, как скоро это стало делом самолюбия. Впрочем, это есть искушение всякого таланта: подчинять вещи себе, а не себя вещам; побеждать для победы, подставлять самолюбие вместо совести.

Парадоксы
проявлений таланта

Талант всегда рад побеждать в хорошем деле, но он охотно бывает кондотьером и довольствуется победой там, где его знамя. Мне кажется даже, что успех тогда, когда защищаемое дело слабо и дурно, несравненно более лестен для таланта, потому что тогда он не разделяет свой успех ни с кем другим.

Приятно быть
правым

Парадокс есть лакомство умных людей и радость людей с талантом. Так приятно быть правым в противность всем людям и озадачивать банальный здравый смысл и вульгарную пошлость. Любовь к истине и талант не сходятся; их склонности разные, часто разнятся и их пути. Для того чтобы заставить талант служить, тогда как по своему инстинкту он хочет начальствовать, нужен нравственный смысл, очень чуткий и сильный характер. Греки, артисты слова, были хитрецами со времен Одиссея, софистами – во времена Периклеса, риторам, придворными и лукавыми до конца Византии. Их талант был причиной их порока.

Ссориться с миром
привлекательно,
но опасно

Выступить в свет, как Руссо, полемикой – это значит приговорить себя к постоянным преувеличениям и войне. Тогда искупаешь свою славу двойной горечью: той, что никогда уже не сможешь быть вполне правдивым и не сможешь уже свободно располагать собой. Ссориться с миром привлекательно, но опасно.

Руссо был предком
во многом

Руссо был предком во всем: он создал странничество пешком раньше Топфера, мечтательность раньше Рене, литературную ботанику раньше Жорж Занд, культ природы раньше Бернардена де Сен-Пьера, демократическую теорию раньше революции 1789 года, политические и богословские рассуждения раньше Мирабо и Ренана, педагогику раньше Песталоцци, живопись Альп раньше де Соссюра; он сделал музыку модной и возбудил в обществе вкус к исповедам; он создал новый французский стиль, сжатый, разработанный, плотный и страстный. Словом, можно сказать, что ничего не пропало из того, что дал Руссо, и что никто больше него не повлиял на Французскую революцию, так как он был ее полубогом между Некаром и Бонапартом, также и то, что никто больше него не повлиял на XIX век, так как Байрон, Шатобриан, де Сталь, Жорж Занд – вытекают из него.

Жизнь есть только
мыльный пузырь,
висящий
на соломинке

7 января 1866 г. Наша жизнь есть только мыльный пузырь, висящий на соломинке, она возникает, расширяется, окрашивается самыми прекрасными цветами радуги; она минутами не подчиняется даже законам тяготения; но вскоре на нем появляется черное пятнышко, и золотистый и изумрудный шар исчезает в пространстве и обращается в простую капельку грязной жидкости. Все поэты делали это сравнение, оно поразительно своей истинностью. Появиться, блеснуть, уничтожиться, возникнуть, страдать, умереть – не в этом ли вся жизнь эфемера, народа, небесного тела?

Чистая мысль видит
оба конца идеи

Время есть только мера трудности понимания; чистая мысль почти не нуждается во времени, потому что

она почти одновременно видит оба конца идеи. Природа только трудом совершает мысль планеты, но высший разум совершает ее в одной точке. Следовательно, время есть последовательное раздробление бытия, как слово есть последовательный анализ интуиции или воли. Само по себе оно относительно и отрицательно и исчезает в абсолютном бытии. Бог вне времени, потому что Он мыслит одновременно всякую мысль; природа же во времени, потому что она только слово, дискурсивное развертывание мысли, содержащейся в бесконечной мысли. Но природа истощается в этой невозможной задаче, потому что анализ бесконечного есть противоречие.

Величие
божественного
разума

При бесконечной продолжительности, безграничном пространстве и беспредельном числе природа делает по крайней мере то, что она может для того, чтобы передать богатства творческой формулы. По тем безднам, которые она открывает для того, чтобы охватить мысль, не достигая этого, можно судить о величине божественного разума.

Современный
человек чувствует
потребность
забыться

В сущности, современный человек чувствует страшную потребность забыться. Он испытывает тайное отвращение перед всем тем, что умаляет его; поэтому вечное, бесконечное, совершенство – для него пугало. Ему нужно одобрять себя, восхищаться собой, приветствовать себя, восхвалять себя и потому он отворачивается от всех бездн, напоминающих ему его ничтожество. В этом состоит истинная мелочность стольких могучих умов нашего времени. Недостаток личного достоинства наших цивилизованных вертопрахов, в сравнении с арабом пустыни, – все увеличивающееся легкомыслие наших масс, правда, все более и более образованных, но более зато и поверхностных в их понимании счастья.

Надежды на
бессмертие нашей
души

В этом тоже для нас заслуга христианства – этого восточного элемента нашей культуры. Он делает противовес нашим стремлениям к конечному, преходящему, изменяющемуся, сосредоточивая ум на созерцании вещей вечных, платонизируя несколько наши привязанности, всегда удаленные от идеального мира, возвращая нас от рассеяния к концентрации, от светскости к вдумчивости, вкладывая в наши души, возбужденные тысячами пошлых желаний, спокойствие, важность и благородство. И так же как сон служит молодящей ванной для нашей деятельной жизни, так же и религия составляет освежительную ванну для нашего бессмертного существа.

Священное имеет
очистительное
свойство

Священное имеет очистительное свойство. И потому я думаю, что противники религии вообще ошибаются относительно требований западного человека и что современный мир потерял бы свое равновесие, как только он отдался бы исключительно еще плохо созревшему учению прогресса. Мы всегда нуждаемся в бесконечном, вечном, абсолютном, и так как наука довольствуется относительным, то она оставляет пустое место, которое хочется наполнить созерцанием, культом и обожанием.

Религия не дает
жизни портиться

«Религия есть аромат, – сказал Бэкон, – который должен мешать жизни портиться», и это, в особенности в наше время, верно относительно религии в платоническом и восточном смысле. Глубокая сосредоточенность действительно есть условие высокой деятельности.

Ценность осознания
возможности своей
свободы

29 января 1866 г. Что составляет прелесть этого существования, такого голого и пустого на вид? Свобода. Что для меня отсутствие комфорта и всего, чего недостает в моем жилище? Эти вещи для меня безразличны. Я нахожусь под этой крышей свет, спокойствие, убежище. Я живу с сестрой и ее детьми, которых я люблю. Моя материальная жизнь обеспечена. Этого достаточно для холостяка. Притом я – человек привычки, даже более привязанный к известным мне неприятностям, чем ищущий радостей мне неизвестных. Стало быть, я свободен, и мне недурно. Значит, мне хорошо здесь, и я был бы неблагодарным, если бы стал жаловаться. Я и не делаю этого. Это скорее вздыхает мое сердце, которое желает лучшего и большего. Но ведь известно, что сердце – ненасытный обжора, и кто же не вздыхает? Это наш земной удел. Только одни бесплодно мучаются, чтобы удовлетвориться, другие, предвидя результат, покоряются, не делая бесплодных и ненужных усилий. А так как нельзя быть счастливым и незачем много заботиться, надо ограничиваться строго необходимым, жить умеренно и воздержанно, довольствоваться малым и ценить только спокойствие совести и чувство исполненного долга.

Самое правильное –
подчинить себя Богу

Правда, что в этом немало честолюбия и что впадаешь в другую невозможность. Нет, самое простое – прямо и просто подчинить себя Богу. Все остальное, как говорит Экклезиаст, есть только суета и томление духа.

Уже давно я знаю и чувствую это, и это религиозное отречение мне приятно и привычно. Внешние волнения, примеры мира, неизбежное увлечение течением вещей заставляют забывать приобретенную мудрость и усвоенные правила. Вот от этого-то так утомительно жить. Это вечное начинание сначала неснос-

но до отвращения. Как хорошо бы было заснуть, когда уже сорвал плод опыта, когда уже не сопротивляешься высшей воле, когда освободился от своего Я, когда находишься в мире со всеми людьми. Тогда как нужно вновь начинать круг искушений, споров, неприятностей, забвений, впадения в прозу, в *terre-à-terre*, в пошлость. Как это грустно и унижительно! Поэтому-то и торопятся поэты, выводят своих героев из борьбы и не волочат их после победы по битым дорогам обыденной жизни. Любимцы богов умирают молодыми, говорило древнее изречение.

Наше терпение есть оселок нашей добродетели

Да, но такая судьба льстит нашему тайному чувству; это наше желание, а не воля Бога. Мы должны быть унижаемы, испытываемы, мучимы, искушаемы до конца. Наше терпение есть оселок* нашей добродетели. Переносить жизнь без очарований, без надежды, покориться постоянной борьбе, любя мир, не удаляться от света, даже когда он претит, как дурное общество, как арена дурных страстей, оставаться верным своему Богу, не порывая сношений с сектантами ложных богов, не убегать из людской больницы, терпеливо сидеть, как Иов на своем гноище, – вот в чем заключается обязанность человека. Когда жизнь перестает быть обещанием, она не перестает быть обязанностью, и даже настоящее имя жизни – испытание.

(Продолжение следует)

---

* *Оселок* – тонкий брусок, кремнистый камень, на котором точат или правят бритвы и другие режущие орудия для придания им самого тонкого лезвия (Вл. Даль).